

Предисловие

Будем хранить и помнить

В реке памяти и времени воспоминания Ольги Владимировны Ольденборгер — лишь малая капелька, но капелька яркая и необычная. Любой человек, прожив долгую жизнь, любит делиться своими воспоминаниями и часто рассказывает много интересного о своей жизни детям и внукам, родным и близким, друзьям и просто знакомым. Но не все решаются записать свои рассказы. Ольга Владимировна оставила после себя удивительные по искренности воспоминания. Ее «Странички прошлого» интересны тем, что они написаны человеком, прожившим полжизни в Российской империи, а полжизни — в Советской России. Интересны они и тем, что первую половину жизни Ольга Владимировна оценивает через призму времени, прожитого в совсем иных жизненных обстоятельствах. Для того чтобы записать такие воспоминания, требовалось не только желание оставить потомкам память о себе и своей семье, но и определенное мужество. К своим запискам О. В. Ольденборгер приступила в начале 1950-х, первую часть закончила в 1954 году, а отдельные странички записей относятся даже к началу 1960-х годов. Но в те годы понятия «духовенство», «дворянство» и даже «земство» носили негативный характер. Всеобъемлющее и многозначное понятие «мемуары» как-то трудно отнести к «Страничкам прошлого» Ольги Владимировны Ольденборгер, хотя, несомненно, ее воспоминания относятся к мемуарному жанру. Это действительно отдельные странички человеческой памяти, которая что-то сохраняет в мельчайших и ярких деталях, что-то невольно искажает или закрывает туманной дымкой времени, а что-то полностью забывает. Но, как и во многих мемуарах, описывающих события личной и общественной жизни, в воспоминаниях Ольги Владимировны поражает то, как история страны причудливо и тесно переплетается с историей отдельной личности, отдельной семьи.

В «Страничках прошлого» нашли свое отражение и рассказы бабушки Любови Александровны Марковой, урожденной Дубянской, и отца Владимира Петровича Маркова, и матери Анны Александровны Марковой, урожденной

Дорошенко. Воспоминания повествуют о ярких впечатлениях детства и юности, о поисках своего места в жизни в молодые годы. Истории из жизни многочисленных родственников, друзей и знакомых соседствуют с рассказами о встречах с интересными и известными людьми того времени. На «страничках» есть рассказы о встречах с Ф. И. Шаляпиным и Л. В. Собиновым, А. Ф. Кони и А. Н. Бенуа, А. В. Вержбиловичем и И. А. Нечаевым, В. В. Смысловым и И. А. Орбели. Ольга Владимировна предстает перед нами любящей дочерью, женой и матерью; страстной театралкой и посетительницей литературных и художественных салонов; организатором народной библиотеки в Ростове-на-Дону и рождественских елок в Шапкинской земской школе; хозяйкой небольшого хутора-коммуны и преподавательницей иностранных языков в институте; профессиональным пчеловодом и жительницей блокадного Ленинграда.

Благодаря «Страничкам прошлого» мы можем перенестись в прошлое и узнать, что собой представляла Шапкинская волость Шлиссельбургского уезда и имения, расположенные в ней. Ольга Владимировна рассказывает о своих предках — владельцах этих земель — и их соседях по Шлиссельбургскому уезду. Многие странички посвящены гостеприимным родителям и бабушке. В их имении «Александровка» на берегу озера Долгое всегда было многолюдно. Здесь бывали литератор Николай Александрович Лейкин, художница Елизавета Меркурьевна Бем, ее муж, профессор консерватории Людвиг Францевич Бем, и сестра Елизаветы Меркурьевны, художница Любовь Меркурьевна Эндаурова. В разные годы здесь жили на даче артисты Самойловы — Василий Васильевич и его сын Павел Васильевич с семьей. Бывал здесь пианист и известный аккомпаниатор Михаил Тимофеевич Дулов. Гостили в имении художники Николай Александрович Сергеев, Федор Петрович Ризниченко, Александр Николаевич Степанов, запечатлевшие на своих полотнах окрестности Шапок. В этой гостеприимной семье отдыхал летом 1851 года будущий композитор Петр Чайковский.

Семья Марковых была в родстве со многими интересными людьми. Платон Алексеевич Вакар, служивший в Комитете цензуры иностранной под началом знаменитого русского поэта Федора Ивановича Тютчева. Генерал от инфантерии Василий Романович Желтухин. Архитектор и гражданский

инженер Николай Александрович Дорошенко. Земский врач и мировой судья Александр Григорьевич Стырикович. Богатый купец, домовладелец и лесоторговец Александр Дмитриевич Кононов. Сергей Александрович Бутурлин — юрист и орнитолог с мировым именем. Алексей Алексеевич Ильин — владелец Картографического заведения, председатель Российского Красного Креста в годы Первой мировой войны и заведующий нумизматическим отделом в Эрмитаже в советское время. Инженер-технолог, проектировщик и строитель трамвайных и железнодорожных путей Александр Иванович Ольденборгер. Лесовод и заведующий Лесной школой в Лисино-Корпусе Дмитрий Михайлович Кравчинский и его сын Юрий. На страничках воспоминаний часто встречаются имена этих людей.

Ольга Владимировна была свидетелем многих событий в истории нашей страны, нелегкой была и судьба автора воспоминаний.

«Кровавое воскресенье» 1905 года... События этого дня, рассказанные Ольге Владимировне жителем соседней деревни Староселье Федором Леонтьевым, который работал на Путиловском заводе, врезались в ее память еще и потому, что это был день ее рождения... Поездка к сыну на фронт холодной зимой во время Первой мировой войны... Потеря любимого родового имени после революции... В один — 1919-й — год потеря самых близких — умирают мать Анна Александровна и муж Александр Иванович... Смерть младшего сына во время Отечественной войны... Отказ уехать в эвакуацию и страшные годы в блокадном Ленинграде... Вскоре после войны смерть второго сына...

Будучи больным человеком весьма преклонного возраста, Ольга Владимировна решает записать свои воспоминания. И не только записать, но и напечатать с помощью машинистки и попытаться издать «Странички прошлого» в журнале «Нева». Ольга Владимировна умерла на 95-м году жизни, воспоминания остались в черновом машинописном варианте и не были опубликованы. Она успела передать свои воспоминания на хранение родственникам. Хранятся «Странички прошлого» у внучки автора, Ирины Владимировны Ольденборгер, в Москве и у родственницы Марковых, Ирины Николаевны Евгеновой, в Петербурге. Машинописные варианты рукописи имеются в Центральной Тосненской районной библиотеке и сельской Шапкинской библиотеке.

«Странички прошлого» послужили отправной точкой для многих краеведов Тосненского, Всеволожского и Кировского районов Ленинградской области и для авторов книг, которые занимались историей Шлиссельбургского уезда или историей рода Дубянских-Марковых.

Составители взяли на себя смелость подготовить воспоминания к публикации и привести события, изложенные автором, в относительный хронологический порядок, разбив их на отдельные главы. Примечания, приложения, подборка фотографий, именной указатель в своей основе базируются на переписке, семейных архивах и воспоминаниях потомков семьи Марковых: Ирины Владимировны Ольденборгер, Ирины Николаевны Евгеновой, Андрея Николаевича Полынского, Светланы Евгеньевны Муретовой и ее дочери Марии Александровны Пиликиной. При подготовке к изданию воспоминаний использованы краеведческие материалы Шапкинской сельской библиотеки и Нурменской сельской библиотеки, материалы краеведческого фонда Тосненской Центральной районной библиотеки, материалы сектора краеведческой фактографии Ленинградской областной универсальной научной библиотеки, материалы Тосненского историко-краеведческого музея и публикации разных лет районной газеты «Ленинское знамя» и «Тосненский вестник». Многие газетные публикации печатались в районной газете в рубрике «Хранить и помнить», название которой легло в основу заголовка предисловия. Помимо фотографий, которые Ольга Владимировна включила в машинописный текст воспоминаний, использованы фотографии из семейного альбома ее внучки, Ирины Владимировны Ольденборгер, фотографии из семейных архивов семей Евгеновых, Полынских и Муретовых. Многие фотографии видов Шапок и окрестностей начала прошлого века, запечатленные на почтовых открытках, предоставлены внучкой Якова Петровича Нермана, Ниной Альвиновной Зубковой, и шапкинским дачником с довоенным стажем Юрием Васильевичем Федоровым.

Большую помощь в подготовке к изданию «Страничек прошлого» оказали воспоминания старожилов села Шапки, деревень Надино, Нурма, Сиголово, Староселья, Белоголово. Среди них — родственники и потомки Федора Леонтьева, Филиппа Майорова, Гаврилы Кузнецова, о которых упоминает в своих воспоминаниях О. В. Ольденборгер. Есть среди

старожилов и те, кто лично был знаком с сестрами Марковыми. С Ольгой Владимировной Ольденборгер и ее сестрой Верой Владимировной Ильиной встречались в послевоенные годы, во время их кратких приездов в родные края, Сергей Петрович Суворов, Любовь Александровна Полякова, Лидия Николаевна Вайнонен и Павлина Максимовна Нуйя. У многих старожилов дедушки и бабушки, а порой прадедушки и прабабушки служили в имении «Александровка» и работали в усадьбе «Царицына гора». Их воспоминания уже стали семейными легендами.

Эта книга не могла бы быть издана без бережного отношения к семейным архивам родственников Ольги Владимировны Ольденборгер, сохранившим для потомков ее записи и многочисленные фотографии. Издание, по сути, является итогом многих лет работы библиотекарей, музейных работников и краеведов Тосненского района. Это они по крупицам собирали материалы об истории Шапкинской волости и о семье Дубяньских-Марковых.

Книга является данью памяти нашей землячке Ольге Владимировне Ольденборгер, так любившей своей родной край и завещавшей нам беречь его, и исполняет ее желание опубликовать «Странички прошлого».

Т. Ф. Киселева, О. Ю. Маврина

Из воспоминаний О. В. Ольденборгер
«Странички прошлого»

*О, если б было можно
Сработать вещь, как шелковичный червь
Свивает кокон тонко и надежно;
Но много тяжелей бывает вить
Сюжетной ткани шелковую нить.*

Вера Инбер

ГЛАВА 1¹

История дворянского рода Дубянских Имение «Александровка» и Санкт-Петербург Детство 1870–1878 годы

Мои первые детские годы я провела в старинной усадьбе² моей бабушки Любови Александровны Марковой, которая заменила в шестидесятых годах³ свою жизнь в столице на мирную обстановку деревни. Бабушка происходила из древнего рода Дубянских⁴. Родоначальником его был духовник двух императриц: Елизаветы — дочери Петра I — и Екатерины II.

Федора Яковлевича Дубянского считали в те времена одним из образованнейших людей, влияние которого при дворе было огромно. Несомненно, оно увеличилось после того, как при его содействии Елизавета вступила в тайный брак с певчим придворного церковного хора Розумом, получившим титул графа Разумовского.

У бабушки сохранилась копия старинного указа императрицы Елизаветы от 1746 года. Эта была дарственная протоиерею Ф. Я. Дубянскому на земли Шлиссельбургского уезда, отвоєванные Петром I в 1705 году у шведов. Земли занимали чуть ли не половину Шлиссельбургского уезда с населением

---

¹ Заголовок «Из воспоминаний...» и эпитафия — от автора воспоминаний. Разделение на главы и заголовки — от составителей.

² Усадьба бабушки — имение «Александровка» на берегу озера Долгого, рядом с деревней Надино, в трех верстах от села Покровского (Шапки) в Шлиссельбургском уезде Санкт-Петербургской губернии. Современный адрес: Ленинградская область, Тосненский район, Шапкинское сельское поселение, деревня Надино. На территории бывшей помещичьей усадьбы в настоящее время находится детский летний оздоровительный лагерь «Салют».

³ Шестидесятые годы XIX столетия.

⁴ Точнее было бы назвать дворянский род Дубянских старинным. Автор воспоминаний О. В. Ольденборгер была дворянкой в шестом поколении, считая и родоначальника Федора Яковлевича (Феодора Иаковлевича) Дубянского. Бабушка Ольги Владимировны — Любовь Александровна Маркова, урожденная Дубянская, — была правнучкой Ф. Я. Дубянского.

в 40 тыс. крепостных крестьян. В настоящее время этот исторический документ хранится в Государственном Эрмитаже, как и четыре портрета Дубянских XVIII века¹. Особенно ценным является портрет полковника Дубянского — участника Отечественной войны 1812 года².

Четыре сына Дубянского — Михаил, Федор, Захар и Яков — были приняты пажами ко двору Елизаветы, получили дворянское достоинство и герб. Впоследствии они поступили в Конный полк Великого Князя Петра Федоровича, племянника императрицы.

Сын Михаила — Федор — был начальником партизанского отряда в чине полковника, по возвращении в Петербург был избран председателем дворянства Шлиссельбургского уезда³. Федор Михайлович Дубянский погиб,

---

¹ Акт от 1761 года «О пожаловании детей протоиерея Федора Дубянского: Михаила, Федора, Захара и Якова в дворянство» хранится в настоящее время в Центральном государственном архиве СПб. У Федора Яковлевича Дубянского и его жены, Марии Константиновны, урожденной Шаргородской (Шаргородской), была еще дочь Елизавета Федоровна, в замужестве княгиня Долгорукова.

В наше время широко известен только один портрет, упомянутый Ольденборгер и хранящийся в Эрмитаже. Это картина кисти художника А. П. Антропова, написанная в 1761 году, — «Портрет протоиерея Ф. Я. Дубянского». Портрет продолжительное время хранился в семье Марии Петровны Вакар — тетушки автора воспоминаний.

² Полковник Дубянский Александр Яковлевич — внук протоиерея Ф. Я. Дубянского и прадед автора воспоминаний. У родителей Александра — Якова Федоровича и Марии Петровны Дубянских — было пятеро детей: Петр, Федор, Александр, Вера и Надежда (в замужестве Голохвастова).

³ Дубянский Федор Михайлович — внук протоиерея Ф. Я. Дубянского — был бригадиром и советником правления Государственного банка. Утонул 4 августа 1796 году во время переправы через Неву. Сведений, подтверждающих, что Федор Михайлович был начальником партизанского отряда и предводителем дворянства Шлиссельбургского уезда, найти не удалось. Владел Федор Михайлович имением Керстово в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии и дачей «Богословка» на правом берегу Невы.

Участниками ополчения Отечественной войны 1812 года были два других внука Федора Яковлевича Дубянского — Александр Яковлевич Дубянский, полковник (владелец имения «Александровка»), и его родной брат, Федор Яковлевич Дубянский, штаб-офицер (владелец имения «Шапки»).

утонув в Неве. На его смерть Державиным было написано стихотворение «Потопление». Младший сын Дубянского — Яков — с сыном Александром, отцом моей бабушки, проживал в Петербурге. У них был прекрасный дом с колоннами на Выборгской стороне, на берегу Большой Невки при слиянии ее с Невой. Дом окружал тенистый сад с аллеями и цветниками. Там проходили юные годы бабушки и ее старшей сестры Надежды¹, там она была свидетельницей праздной жизни своих родных, расточавших, как и большинство русских дворян, несметные богатства, полученные щедротами царской власти.

Если проследить относительно небольшой период времени с 1705 по 1745 год, то станет понятно, как наши самодержцы распорядились землей и живущим на ней крепостным народом. После изгнания шведов царь Петр I отдал большую часть земель Шлиссельбургского уезда своему соратнику и любимцу Александру Даниловичу Меншикову. После смерти Петра I, во время управления государством за малолетнего Петра II, Меншиков был обвинен в злоупотреблениях; знать не могла простить его могущества, желая породниться с царской семьей. Он был сослан в город Березов; дарованные Петром I земли конфискованы. Князь Долгорукий и князь Голицын, оба крупные земельные собственники, как члены Верховного тайного совета принимали деятельное участие в возведении на русский императорский престол племянницы Петра I — Анны Иоанновны. Оба мечтали, что по примеру Швеции власть будущей императрицы будет ограничена. За свое усердие

---

¹ У Александра Яковлевича и Натальи Федоровны Дубянских было трое детей: Георгий, Надежда и Любовь. По легенде три деревни в имении «Александровка» были названы по именам детей — Жоржина, Надина, Любина, а сама усадьба — по имени владельца имения — «Александровка». Название усадьбы дало имя и всему имению «Александровка». Ольга Владимировна Ольденборгер называет Надежду Александровну Дубянскую, которая была замужем за полковником Богдановичем, старшей сестрой бабушки Любви Александровны. По данным Н. Мурашовой и Л. Мыслиной, Надежда родилась в 1808 году, а Любовь — в 1807 году. Георгий, поручик гусарского Мариупольского полка, погиб на Русско-турецкой войне, сражаясь под Шумлой в Болгарии.

Долгорукому были обещаны земли, отнятые у Меншикова. Попытка «верховников»¹ окончилась неудачей. Опираясь на гвардию и значительную часть дворян, Анна Иоанновна порвала кондиции², от своего обещания отказалась и стала самодержавной неограниченной русской императрицей. Верховный тайный совет был уничтожен, его бывшие члены подверглись опале. Только после восшествия на престол Елизаветы земли, почти половину Шлиссельбургского уезда³, получил в дар ее духовник Федор Яковлевич Дубянский.

---

¹ «Верховники» — члены Верховного тайного совета, созданного при Екатерине I. Ольга Владимировна неслучайно упоминает «верховников». Один из членов Верховного тайного совета — князь Василий Владимирович Долгорукий — был владельцем обширной мызы «Шапки» с 14 деревнями, в крестьянских дворах имения проживало 811 душ обою пола, которых ему пожаловал Петр I. Ориентировочно датой пожалования земель В. В. Долгорукову можно считать 1705 год.

² Кондиции — условия, на которых «верховники» предлагали Анне Иоанновне занять престол и которые ограничивали власть императрицы. Историки иногда называют «Кондиции» первой русской Конституцией.

³ Шлиссельбургский уезд занимал территорию по обоим берегам Невы, в настоящее время бывшие земли Шлиссельбургского уезда входят в состав Всеволожского, Кировского и Тосненского районов Ленинградской области. Уездный город Шлиссельбург, расположенный у истоков Невы, после Великой Отечественной войны был переименован в город Петрокрепость, в наше время ему вернули прежнее название.

Большая часть земель, дарованных Ф. Я. Дубянскому, находилась в Санкт-Петербургской губернии, в южной части Шлиссельбургского уезда на левом берегу Невы: мыза Усть-Мга на Неве с деревнями, мыза Шапки с деревнями, мыза Порецкая на реке Назия с деревнями. Дача «Богословка» находилась в Шлиссельбургском уезде, но на правом берегу Невы. Была еще пожалована Ф. Я. Дубянскому мыза Керстова (Керстово) в Ямбургском уезде. Владел Ф. Я. Дубянский и домами в столице и ее окрестностях. Каменный дом на набережной Невы рядом с новым Зимним дворцом, два дома на набережной реки Мойки, каменный дом на набережной реки Фонтанки, деревянный дом в Петербургской части, дом на Сергиевской улице и два двора на Саарской (Царскосельской) дороге близ путевого дворца Екатерины II. Состояние Ф. Я. Дубянского в конце 1760-х годов оценивалось современниками в 8000 душ крепостных крестьян.

После замужества в 1825 году и рождения детей бабушка с мужем Петром Ивановичем Марковым, служившим в Министерстве внутренних дел, переехали на Васильевский остров. Дом на Выборгской стороне был продан богатому сахарозаводчику Крону, сад вырублен, и на его месте поднялось высокое здание завода. От прежней беззаботной жизни не осталось и следа. Подрастали дети: три мальчика и две девочки¹. Учебные годы проходили зимой в столице, летом — в излюбленном бабушкой дачном поселке Лигово, где она приобрела дачу и где еще сохранился дворец светлейшего князя Потемкина — подарок Екатерины II своему фавориту. По наследству от отца бабушка имела немало десятин земли в Шлиссельбургском уезде; был большой дом, построенный в 1835 году, две дачи на берегу большого озера и несколько дворовых построек. Но уже много лет подряд дом отдавался внаем филиальному отделению Петербургского воспитательного дома². В остальных постройках доживали свой век на пенсии бывшие крепостные дворовые да старый управляющий, хотя, по правде сказать, управлять ему было нечем. Маленьких воспитанников обслуживали приехавшие из столицы няни; весь провиант обозами доставлялся из города, молоком снабжали две соседние финские деревни.

В те времена, как вспоминала бабушка, добраться до деревень и помещичьих усадеб, несмотря на сравнительную близость столицы, было тяжело. От станции Тосно Николаевской железной дороги на протяжении 19 верст до ближайшего села Шапки пролегал проселочная дорога. Провели ее местные крестьяне мимо безлесных заболоченных низин, покрытых карликовым, как в тундре, березняком. По обе стороны дороги тянулись канавы, полные доверху весной и осенью болотной водой; на дороге даже в летние жаркие дни стояла непролазная грязь. Только в начале мая, когда спадала вода и болото покрывалось белыми хлопьями тростника³,

---

¹ Александр, Георгий, Владимир, Мария и Надежда Марковы.

² Воспитательный дом, основанный в 1772 году, первоначально находился при Смольном монастыре, затем на Миллионной улице, в середине XIX века занимал большую территорию вдоль берега реки Мойки от Строгановского дворца до Гороховой улицы.

³ Это либо цветущая пушица болотная, либо прошлогодние соцветия рогоза, называемого в нашей местности ошибочно камышом.

забывалось и однообразие пути, и отсутствие человеческого жилья. Только через несколько часов на горизонте появлялись очертания лесистых холмов; дорога поднималась в гору, покрытую вековым сосновым лесом, чувствовалось приближение деревни, близость полей и огородов.

Широко раскинулось село Шапки¹, получившее свое название от целого ряда зеленых холмов, название которого упоминалось еще в царствование царя Алексея Михайловича — отца Петра I (сведения из архива Археологического института). За селом дорога тянулась извилистой лентой по высоким холмам, мимо старинной лютеранской церкви², помещичьих усадеб, русских и финских деревень до берегов Невы. Таков был в старину большой уездный тракт, соединяющий Николаевскую железную дорогу с речной пристанью Лобаново на Неве³.

---

¹ Первые письменные упоминания о сельце Шапки относятся к середине XV века, когда к Московскому государству были присоединены земли Великого Новгорода. В годы царствования Алексея Михайловича Шапки вместе с другими поселениями Нотебургского лена входили в состав Шведского королевства. Эти земли отошли Швеции по Столбовскому мирному договору 1617 года, заключенному в царствование Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых.

² Старинная лютеранская церковь — Кирха Святого Якова (Якоба) — располагалась на одном из холмов на левом берегу Мельничного ручья, слева от дороги Шапки–Надино. Кирха была построена в 1778 году при Якове Федоровиче Дубянском и на многие годы стала центром лютеранского прихода, который сохранил прежние границы и старинное название — Ярвисаари. При шведах центр прихода находился в селе Ярвисаари (современное название — Лезье). В 1830-х годах приход Ярвисаари объединили с соседним приходом Марккова. Приход получил название Марккова-Ярвисаари. Деревня Марково, в которой была своя построенная в 1722 году Кирха, также входила в состав земель, подаренных Ф. Я. Дубянскому, и относилась к мызе Порецкой.

³ По маршруту уездного тракта проложены дороги Тосно–Шапки, Кирсино–Мга–Лобаново. Часть уездного тракта от деревни Староселье через урочище Царицына гора до деревни Кирсино сохранилась как проселочная дорога. В начале XX века эта часть уездного тракта была в приличном состоянии, что позволило О. В. Ольденборгер быстро построить на Царицыной горе новую усадьбу. В начале XXI века эту дорогу основательно разбили лесовозы, и она годится только для ралли, называемых у любителей автомобильного экстрима «ЖИжа».

Шли годы, и многое изменилось в жизни моей бабушки; незаметно выросли дочери и вышли замуж. Старшая, Мария, — за окончившего Училище правовередения Платона Алексеевича Вакара. Младшая, Надежда, — за капитана Драгунского полка Желтухина, впоследствии директора Пажеского корпуса¹. Два старших сына, окончившие кадетский корпус² и военное училище, поступили в Уланский полк, находившийся в Варшаве³. Разлука с ними сильно опечалила родителей; они, Георгий и Александр, вносили много оживления в опустевший после замужества дочерей дом стареющих родителей. Младший, Владимир, окончивший классическую гимназию⁴, большую часть

---

¹ В воспоминания О. В. Ольденборгер вкралась неточность: ее тетушка, Надежда Петровна Маркова, была замужем за однофамильцем директора Пажеского корпуса Василия Петровича Желтухина — генералом от инфантерии Василием Романовичем Желтухиным.

Надежда Петровна умерла молодой (1832–1856). Ее сын — действительный статский советник Василий Васильевич Желтухин — до революции проживал на 7-й линии Васильевского острова в собственном доме № 42. Он являлся практикующим врачом-акушером, возглавлял Василеостровский городской родильный приют (Большой проспект, 67), был председателем Совецания врачей-акушеров, членом Совета врачей при санитарной комиссии и ряда других медицинских организаций. У Василия Васильевича Желтухина был единокровный брат (от второго брака Василия Романовича с Дарьей Михайловной), Константин Васильевич Желтухин, который дослужился до гвардии генерал-майора.

Драгунский полк, драгуны — вид кавалерии, предназначенной для действий в конном и пешем строю. Пажеский корпус — среднее привилегированное закрытое военное учебное заведение для детей дворянской аристократии, основано в 1759 году. Пажеский корпус окончили владельцы имения «Шапки» Я. Ф. Дубянский и А. Д. Балашов.

² Кадетский корпус — учебное заведение для дворянских детей в возрасте от 13 до 18 лет. Был учрежден в 1731 году по приказу Анны Иоанновны.

³ Уланский полк — полк легкой кавалерии.

⁴ В. П. Марков окончил Ларинскую гимназию на 6-й линии Васильевского острова. Она была в столице четвертой по счету государственной, или, как тогда говорили, казенной, гимназией. Открыли ее в 1836 году и назвали по фамилии купца П. Д. Ларина, завещавшего часть своего состояния на народное образование. В Ларинской гимназии помимо предметов, предусмотренных Уставом классических гимназий, был дополнительный курс по торговле и промышленности, что оказалось совсем не лишним для будущего земского деятеля.

дня проводил в Университете; по вечерам посещал товарищей или заходил к знакомому юристу Беляеву, у которого собиралась молодежь. К нему любил заходить Николай Алексеевич Некрасов, работавший с Добролюбовым в редакции «Современника». В. В. Беляев был женат на талантливой певице, происходящей из музыкально одаренной семьи Самусь. Его жена — Надежда Максимовна — мечтала, окончив консерваторию, поступить в оперу Мариинского театра, но с выходом замуж ее мечтам не суждено было сбыться.

У Беляевых часто устраивались музыкальные вечера, что привлекало знакомую молодежь, но главной приманкой являлся приход Некрасова. Он читал слушателям свои стихи и поэмы. Рассказывал о тяжелых воспоминаниях своего детства, проведенного в имении родителей. Ребенком он был свидетелем несправедливого отношения к дворовым и крепостным крестьянам. Он призывал к борьбе за лучшую жизнь обездоленного и угнетенного крестьянства. Слова поэта производили неизгладимое впечатление на Владимира, заставляя часто задумываться и глубже вникать в события последующих лет его сознательной жизни. Будучи гимназистом, он часто излагал свои мысли в стихотворной форме. И, восторгаясь красотой формы в творческих произведениях Некрасова, он решил, будучи студентом, продолжать усовершенствование на этом поприще самостоятельно. Влияние Некрасова отразилось не только при случайных встречах в знакомой семье, оно оставило глубокий след и наложило отпечаток на всю жизнь и дальнейшую деятельность молодого студента.

В начале 1860-х годов в Университете вспыхнули беспорядки; причиной послужили репрессии правительства: отставка любимых профессоров, запрещение сходок. Среди студентов появились прокламации из революционного кружка Чернышевского. Они призывали молодежь вести агитацию не только среди студентов, отстаивающих свои права, но и среди крестьянства. Полиция произвела массовые аресты. В числе арестованных и исключенных из Университета был и Владимир. Вина его усугублялась еще тем, что при обыске полиция нашла у него стихотворение, где он осмеивал все распоряжения правительства. В басне «Лев и мыши», посвященной царю, он изобразил пассивное отношение Александра II к буржуазному характеру

реформы, проведенной крепостниками: «Лев, наскучив жалобами мышей, нарушающих его безмятежный покой, приказывает своим телохранителям-котам убрать надоевших ему просителей». В эти тяжелые времена Владимиру оставалось два месяца до окончания университета, а по высочайшему приказу ему был запрещен на неопределенное время въезд в столицу.

Велико было горе моей бабушки: после замужества дочерей, отъезда старших сыновей в Варшаву она чувствовала себя совсем одинокой. Дед последнее время стал сильно прихварывать; выйдя в отставку в чине тайного советника, он целыми днями сидел за пасьянсом, а по утрам по старой привычке прочитывал «Правительственный вестник», на деле совершенно не интересуясь тем, что происходит в России. Даже известие об аресте сына, о необходимости его отъезда из Петербурга проскользнули мимо его сознания. До самой своей скоростижной смерти он оставался бесстрастным чиновником-бюрократом, вся жизнь которого сосредотачивалась в канцелярии своего министерства. Невольно бабушке и ее опальному сыну пришлось одним решать вопрос о создании новой жизни вне города и его окрестностей. В тяжелые минуты раздумья Владимир получил письмо Некрасова. Зная обо всем происшедшем в университете, поэт написал юному другу несколько теплых, сердечных строк. Он советовал ему ближе сойтись с народом, вникнуть в его жизнь, быть твердым защитником его интересов.

«Ваша мать, – писал Некрасов, – обладает несколькими тысячами десятин земли. Убедите ее отдать хоть небольшую часть малоземельным крестьянам. Вы завоеуете любовь народа, который так долго угнетало правительство и который жил в несправедливости и нищете. Желаю Вам успеха, мой юный друг. В добрый путь! Некрасов».

Примечание автора

Письмо Некрасова к отцу бережно хранилось в старом бюро на квартире одного из домов на Васильевском острове, где проживала семья Марковых. Во время одного обыска полиции оно бесследно исчезло вместе с несколькими стихотворениями революционного характера.

По приезду в 1862 году в деревню Владимир, может быть, первый раз в жизни занялся осмотром усадебной земли своей матери. От большого двухэтажного дома, откуда давно выехали питомцы Воспитательного приюта, по четырем направлениям тянулись березовые аллеи. С востока на запад они граничили с территорией двух финских деревень¹, жители которых с давних времен поселились в южной части нашего уезда. Они часто вспоминали, что эта земля называлась Ингерманландия² и раньше принадлежала им. К северу широкая аллея спускалась к берегам большого озера, на противоположном берегу которого на многие десятки верст простирались леса соседнего владельца³.

На юге, за небольшим садом, еловая аллея доходила до роши, за пределами которой начинались крестьянские поля. Таким образом, оказалось, что усадебная площадь, занимающая около 15 десятин земли, была в четырех направлениях пересечена аллеями, и образованные ими четыре участка могли в будущем служить для устройства плодового сада, огорода и пахоты. Главное — эти участки не вклинивались в крестьянские земли. Получив доверенность матери, Владимир горячо принялся приводить в исполнение свою заветную мечту — улучшить жизнь соседних крестьян. Оказалось, что пребывание в деревне, которое представлялось ему таким однообразным и скучным, на деле с каждым днем открывало ему бесконечные возможности принести пользу местному населению.

---

¹ Финские деревни — Сиголово и Надино. Надино местные финны называли так же, как и озеро Долгое, — Питкиярви, калька с русского языка.

² Ингерманландия, Инкери, Ижорская земля, Ижора, Ингрия, исторические названия территории по берегам Невы и юго-западной части Приладожья. С 1228 года владения Новгорода, с 1478 года присоединены к России. С 1617 года в составе Швеции. В годы шведского правления в пограничные с Россией районы переселяли финнов. Петр I в ходе Северной войны вернул эти земли России. Сохранились предания о том, что финское население в окрестностях Шапок оказало сопротивление войскам Петра и организовало партизанские отряды. В 1708 году освобожденные земли вошли в состав Ингерманландской (с 1710 года — Санкт-Петербургской) губернии. В настоящее время часть Ленинградской области.

³ Имение князей Юсуповых (с 1837 года) с усадьбой в селе Лезье (Успенское, Благовещенское).

Когда в 1864 году было создано земство, его пригласили занять место мирового посредника¹. За счет собственной земли², с согласия матери, ему удалось увеличить крестьянские наделы настолько, чтобы они на долгие годы могли обеспечить жителей пашнями и покосами не только для них лично, но и для их подрастающего потомства. Этому плану способствовали огромные земельные территории соседних владельцев³. На многие десятки верст простирались поляны, заболоченные низины, владельцы которых приезжали только на охоту, выстроив большой кирпичный дом для приездов Великого князя⁴. Что стоило им отдать несколько десятин смежной с крестьянскими наделами земли, им, обладавшим многими имениями в России и дворцами в Петербурге.

Избрание Владимира председателем Шлиссельбургской уездной земской управы могло бы открыть широкий путь для превращения мечты об улучшении быта крестьян в действительность. Но Владимир с первых же дней понял, что все благие начинания требуют больших сумм, а правительство часто отказывало и в небольших ссудах. Когда не хватало денег, он и многие его сослуживцы вносили собственный вклад для постройки лишней школы или больницы, забывая в эти

---

¹ Земство — земские учреждения — выборные органы местного самоуправления (земские собрания и управы) в России, созданные после отмены крепостного права. Ведали просвещением, здравоохранением, строительством дорог и т. п. Мировой посредник — должностное лицо в период проведения крестьянской реформы 1861 года. Назначался из дворян для составления и утверждения «Уставных грамот» и разбора споров между крестьянами и помещиками.

² После крестьянской реформы 1861 года в распоряжении владельцев имения «Александровка» оставалось 5854 десятины земли. Имение постоянно закладывалось и перезаклаживалось, часть земель была продана. Так появилась рядом с усадьбой «Александровка» небольшая мыза Кольманов «Карловка».

³ Соседние владельцы — Юсуповы, Балашовы и Толстые.

⁴ Вероятно, речь идет об охотничьем домике, построенном Балашовыми на землях имения «Шапки» рядом с деревней Нурма. Ф. И. Петрокино на месте деревянного охотничьего домика построил в 1902 году кирпичный двухэтажный «Охотничий дом» из 22 комнат. Красивое здание с небольшой башенкой и изящно изогнутой крышей было построено в стиле северный модерн. Кто из Великих князей приезжал на охоту в Нурму, уточнить не удалось.

минуты, что всякая попытка внести в работу земца личную инициативу строго контролируется высшим начальством.

Примером таких исключительно прогрессивных людей был друг Владимира, почетный мировой судья Владимир Александрович Всеволожский¹, выстроивший в своем имении (станция Всеволожская Ириновской железной дороги) народную школу, больницу и церковь для окрестных деревень, а его сын Василий, окончивший Медицинский институт, стал земским врачом.

После сильного пожара в селе Шапки, уничтожившего около 50 домов, владелец имения подарил погорельцам часть прекрасного соснового леса и кирпич для постройки новых домов, амбаров, сараев и выдал значительную сумму всем потерпевшим семьям. Местные крестьяне долго вспоминали добрый поступок помещика².

Земство должно было ограничиться простым техническим исполнением задач, которые определялись чиновничеством. Как прав был В. И. Ленин, сказав: «Земство с самого начала было осуждено, чтобы быть пятым колесом в телеге государственного управления». Земская реформа, проведенная в 1864–1866 годах, была выработана реакционной партией Валуева. Поэтому она потеряла первоначальный свой смысл и значение. Земству, как уездному, так

---

¹ Вероятно, опечатка в машинописном тексте рукописи. Речь идет о Павле Александровиче Всеволожском, отце последнего владельца имения Рябово Василия Павловича Всеволожского.

Ириновская железная дорога от Петербурга до берега Ладжского озера была построена в 1890-х годах по инициативе владельца имения «Ириновка» Павла Леопольдовича Корфа.

² К сожалению, имя шапкинского благотворителя О. В. Ольденборгер не указала, скорее всего, это был Петр Александрович Балашов (младший), внук А. Д. Балашова, который владел имением Шапки до 1884 года. Пожары были страшным бедствием для сел и деревень волости с их тесной деревянной застройкой. Еще об одном большом пожаре, случившемся в XIX веке в Шапкинской волости, в деревне Надино, вспоминают потомки ингерманландских финнов, проживающие в деревне. После пожара помещики Марковы разрешили жителям переселиться поближе к берегам озера Долгого. Место, где была сгоревшая деревня, называют «Финской горкой».

и губернскому, пришлось сделаться государственными чиновниками: собирать налоги с населения для передачи их на государственные расходы; всякая личная инициатива строго преследовалась, многих земцев отправляли в ссылку только за то, что они осмеливались подавать царю прошения и напоминать о законных правах земства. Лучших людей России обвиняли в желании устроить самостоятельное государство в государстве самодержавного царя.

И когда значительно позже губернское земство, во главе которого стоял Владимир Петрович Марков, стало ходатайствовать о выделении земства в самостоятельную единицу, Николай II объявил свою резолюцию: «Советую оставить земцам бессмысленные мечтания»¹.

Собравшиеся представители уездов Петербургской губернии в зале Дворянского собрания² (ныне — филармония)

---

¹ Девять губернских земских собраний направили только что вступившему на престол Николаю II (21 октября 1894 г.) «Приветственные адреса» по случаю его бракосочетания 14 ноября 1894 года с принцессой Алисой Гессенской (императрица Александра Федоровна). В адресах земцы выразили свои надежды на «общественные изменения», «на расширение гласности» и просили «открытого голоса земства к престолу». История с земскими «адресами» имела продолжение. 17 января 1895 года в Зимнем дворце состоялся Высочайший прием deputаций от дворянств, земств, городов и казачьих войск.

В воспоминаниях председателя Учредительного собрания Виктора Чернова «Великая революция» этот эпизод описан так: «Восшествие молодого царя на престол было омрачено еще одним происшествием. Принимая делегацию земств, которая в своем приветственном адресе намекнула на необходимость либеральных реформ, царь отклонился от текста заранее заготовленной речи, в которой говорилось о невозможности удовлетворить “беспочвенные мечтания” о конституции. Вместо этого он оговорился и употребил куда более резкое и даже просто оскорбительное выражение “бессмысленные мечтания”, после чего смутился и быстро покинул зал».

² Санкт-Петербургская земская губернская управа и Земская учительская школа долгое время не имели своего помещения. Губернская управа ютилась поначалу в доме Дворянского собрания, с 1893 года переехала в арендованный частный дом. В 1901 году губернское собрание приняло решение о постройке дома для Управы, и уже осенью 1903 года Губернская управа переехала в собственное здание на Кабинетской улице, 4 (ныне — улица Правды). В том же 1903 году получила собственное специальное здание

обсуждали этот отказ царя и необходимость работать под вечным унижительным контролем полиции. Это был последний обед, устроенный земством, на котором собрались люди, любящие свою родину и своей бескорыстной работой помогавшие улучшить жизнь крестьян. Владимир Петрович выразил свои мысли стихами, обращенными ко многим друзьям:

Всему пора, всему есть время,
Настал последний земства час;
И нами созданное бремя
К чему-то отняли у нас.

Нас обвиняют в долгой спячке.
Нам говорят: «Ленивы мы»,
И только к выборной горячке
У всех направлены умы.

Что в нас не стало той заботы,
С какой за дело мы взялись,
Что наши земские работы,
В конце концов, к нулю свелись.

А между тем, взглядевшись в дело
С его серьезной стороны,
В глаза сказать мы можем смело,
Что нами были созданы
Дороги, школы, медицина,
Для мер других широкий путь,
Что в силу нашего почина
Народ свободно мог вздохнуть.
Ему не страшны недороды,
Не страшен дождь, не страшен жар,
Ни грозный бич в былые годы
Огульный бедственный пожар.
От голодовки, от заразы
Ему открыли мы исход...
Все это факты, а не фразы,
Труда усиленного плод.
Теперь ему не будет нужды
Нести пожитки кулакам;

Земская учительская школа, рядом с домом Губернской управы на Кабинетской улице. Сам В. П. Марков в Петербурге жил неподалеку от нового здания управы, на Ивановской улице (теперь это Социалистическая улица).

Нет, земцы, мы еще не чужды
Любви к общественным делам.
К самим себе мы были строги
И знамя доблестно несли,
Но тех заслуг, увы! в итоги
Деяний земских не внесли.
Отдать свой труд мы были рады
Не ради денег и наград.
Ведь в наши земские оклады
Вносили собственный мы вклад.
Долой упрек и порицанья!
За то я пью до дна бокал,
Чтоб час желанный оправданья
Для земства нашего настал.
Второй мой тост короток будет:
Пусть земство сердцем и умом
Былых традиций не забудет
Под новым нравственным ярмом!

Многие земцы горячо аплодировали своему председателю, многие опасались, что в этих правдивых словах услужливая цензура найдет что-нибудь недозволенное; но, по видимому, все сошло благополучно, и по желанию друзей Владимир Петрович на прощанье прочел свое второе стихотворение, посвященное присутствующим на обеде:

Что это, смерть иль просто сон?
Тяжелый, страшный, безобразный
Под звук речей, бокалов звон
Под говор шумный и бессвязный!
Зачем вино? К чему тут пир?
Что мы собой изображаем?
Не свой ли собственный кумир,
Ликуя, в вечность провожаем.
Кумир, который тридцать лет
С надежной тайной созидали;
В котором видели мы свет,
И от которого мы ждали:
Громадных благ, великих дел,
Эпохи светлой возрожденье...
В котором видели предел
Народа бедствий и растленья.
Где тот широкий, смелый план
Для благ возлюбленной отчизны?

Дождлся мощный великан
Своей последней горькой тризны.
Нет, то не смерть, а только сон,
Не верю я в возможность смерти.
Пройдут года, восстанет он,
От сна тяжелого, поверьте!
И твердой, мощною рукой
Дарует свет, любовь, свободу,
Богатство счастье и покой
Свое отчизне и народу.

Старые земцы с Владимиром Петровичем Марковым не дожили до того счастливого времени, когда их мечты воплотились в действительность. В 1865 году у многих земцев еще существовала вера в данное царем обещание быть первым защитником народа. По инициативе нескольких владельцев имений в 1870 году было установлено правило, строго соблюдаемое ими: избегать чересполосицы, следить за тем, чтобы усадебные земли не вклинивались в крестьянские наделы, и уничтожить чрезвычайно тягостные для крестьян выкупные сделки.

Большим другом Владимира Петровича был старый городской врач Александр Сидорович Мясоедов¹. Он обслуживал с 1875 года и до конца своей жизни не только больных города, но и заключенных Шлиссельбургской крепости. Этот добрый и чуткий человек много способствовал улучшению питания узников, стараясь создать для них лучшие условия жизни. Его интересовала и работа земцев. Он часто предсказывал, что добрые начинания их, несмотря на все преграды и запрещения свыше, рано или поздно будут оценены народом; он вспомнит добрым словом тех земцев, которые работали во имя обездоленного и угнетенного русского крестьянства.

В старой усадьбе жизнь с каждым годом становилась все оживленнее и многолюднее. Выйдя в отставку, возвратился старший сын бабушки, Георгий Петрович. Он поселился в одной из дач на берегу озера вместе со своим старым при-

---

¹ Возможно, опечатка в машинописном тексте рукописи — отчество, судя по документам Шлиссельбургского уездного земства, Александра Мясоедова было Исидорович, или О. В. Ольденборгер записала его так, как воспринимала на слух.

ятелем Лидиным. Оба были холостяками, увлекались охотой и рыбной ловлей. Дядя играл на кларнете, Лидин — пенсионер Панаевского оперного театра¹ — на валторне. Дом, где жил старый управляющий, давно отвезенный на кладбище лютеранской церкви², занял молодой земский врач Стырикович³. Поляк по происхождению, он, помимо медицины, увлекался литературой и поэзией своей страны. Узнав, что Владимир Петрович в часы досуга пишет стихи, он стал убеждать его заняться переводом стихов и нескольких баллад Мицкевича. При этом он обещал переводить построчно каждое слово. Переводы оказались настолько удачными, что их взялся печатать в журнале «Вестник Европы» его редактор Стасюлевич. Вскоре несколько стихотворений появились и в журнале «Север». Впоследствии два рукописных тома стихотворений Владимира Петровича были приобретены Домом имени Пушкина⁴.

---

¹ Панаевский театр был открыт на Адмиралтейской набережной, дом 4, в 1888 году на средства путейского инженера Валериана Александровича Панаева.

² Кладбище лютеранской церкви — финское кладбище, действует по настоящее время, находится на холме справа от дороги Шапки-Надино.

³ Врач Стырикович — Стырикович Александр Григорьевич, земский врач. А. Г. Стырикович обслуживал участок, на котором проживало 14 тысяч населения, наибольшее расстояние от квартиры врача до обслуживаемого населенного пункта составляло 50 верст. Место жительства врача — мыза Александровка, близ села Шапок. В полутора верстах от квартиры врача находился приемный покой на 8 кроватей. На участке, кроме врача, было три фельдшера и одна повитуха. Прием больных при квартире врача был постоянный, а также врач каждые две недели выезжал в определенные дни в фельдшерские участки. В 1881 году земский врач Стырикович оказал медицинскую помощь в 6711 случаях.

Шапкинский приемный покой был построен благодаря стараниям В. П. Маркова и А. Г. Стыриковича. В 1881 году В. П. Марков приобрел у вдовы бывшего дворового человека господ Балашовых Дарьи Ушаковой $\frac{1}{4}$ часть десятины земли для строительства земского приемного покоя. Приемный покой многие годы поддерживался в хорошем состоянии, по мере необходимости проводились ремонты. Шапкинская амбулатория размещалась в этом здании до Великой Отечественной войны.

⁴ Дом имени Пушкина — Пушкинский Дом, Институт русской литературы, научно-исследовательское учреждение в СПб., в котором хранятся рукописи многих русских писателей, в том числе и А. С. Пушкина.

В 1868 году Владимир Петрович, которому исполнилось 32 года, женился на 16-летней дочери одного петербургского чиновника — Дорошенко. Он познакомился с ней в доме своей сестры¹, дочери которой обучались с нею в одном пансионе. Отец девушки, уроженец Полтавской губернии, очень гордился своим происхождением от гетмана Малороссии²; он отличался грубым и жестоким характером и для своей многочисленной семьи оказался суровым деспотом. Заступничество слабохарактерной жены, казалось, еще сильнее ожесточало его. Младший сын Дорошенко и старшая дочь умерли от туберкулеза. Средний — гимназист старшего класса Александр — увлекся революционным движением молодежи и под впечатлением всеобщего недовольства написал письмо царю, называя его главным виновником происходящих в России волнений. Отец перехватил письмо и передал его в 3-е отделение³, прося «обуздать сына». Результатом его ходатайства был арест 17-летнего юноши; пройдя с другими арестантами несколько тюремных этапов, Александр был заключен в один из острогов Якутского края. При попытке бежать из тюрьмы, переплывая большое озеро, на другом берегу которого начиналась тайга, Александр утонул. О нем в своем сочинении вспоминает сосланный одновременно с ним писатель Короленко в «Истории моего современника».

Примечание автора

Короленко В. Г. Собрание сочинений. Т. 2: История моего современника. Кн. 2. С. 204.

---

¹ В доме своей сестры, дочери которой обучались с нею в одном пансионе, — дочери Марии Петровны Вакар, речь, вероятно, идет о старших дочерях Вакаров, Любви и Надежде, так как Анна Дорошенко по возрасту была их сверстницей (родилась предположительно в конце 1850 или в 1851 году).

² Гетман Малороссии Дорошенко Петр Дорозевич — сподвижник Богдана Хмельницкого и гетман Правобережной Украины в 1665–1667 годах. П. Д. Дорошенко в 1667 году перешел на русскую службу. Дети от первого брака остались на Украине. Возможно, А. Дорошенко был потомком гетмана по этой линии.

³ 3-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — орган политического надзора и сыска в России в 1826–1880 годах.

«...Однажды я писал письмо в конторе, когда к Денисюку пришел высокий старик, с благообразным лицом типа крупного чиновника. Усевшись у круглого стола, они повели тихую беседу, отрывки которой все-таки долетали до меня. Это оказался штатский генерал Дорошенко, отец того юноши, который “помешался в уме”. Старик был не то губернатором, не то председателем казенной палаты какой-то из юго-западных губерний. Теперь этот провинциальный туз говорил заискивающим тоном с петербургским приставом:

— Вы сами отец, так поймете отца... Такое горе...

— Не беспокойтесь... Не будет ни в чем нуждаться... — успокаивал Денисюк.

— По болезни на свои деньги можно даже вино.

— Ну, вино-то, пожалуй, не очень... Поэкономнее, знаете... У меня ведь он не один».

Т. 8. Кн. 3. С. 86–87.

«В камере, куда я попал, было уже человек пять. Первым подошел ко мне молодой человек с очевидной военной выправкой и... отрекомендовался: прапорщик Верещагин...

— Дорошенко, — произнес совсем юный молодой человек, похожий на гимназиста.

...Дорошенко тоже был моим соседом по Спасской части.

Когда он подошел к глазку камеры и стал на весь коридор оглашать привезенные мною новости, я сразу узнал звонкий голос юноши, певавший кощунственные ектеньи¹, о котором отец-генерал разговаривал с Денисюком. Теперь в нем не было никаких признаков умственного расстройства...»²

Старшему сыну Николаю Дорошенко, несмотря на все притеснения отца, удалось окончить Институт гражданских инженеров; он уехал работать в качестве архитектора в один из южных городов России³.

Главной причиной женитьбы Владимира Петровича на девушке вдвое моложе его было желание и, быть может, единственный способ вырвать ее и спасти из тяжелой обстановки, созданной в доме отцом.

---

¹ Ектенья (от греч. *ektenia* — усердие) — совокупность молитв, читаемых при каждом богослужении от имени верующих и содержащих просьбы и обращения к Богу.

² Первый эпизод относится к аресту А. Дорошенко и В. Короленко в Петербурге, второй — к пересылке по этапу к постоянному месту ссылки.

³ Ростов-на-Дону.

Я была старшим ребенком в семье моих родителей и довольно ясно вспоминала себя с семилетнего возраста. В памяти моей сохранились частые приезды в деревню отца из уездного города¹, рассказы дяди — брата отца — о войне с турками 1877 года². Особенно я любила дни, когда к нам приходил приятель дяди — Лидин — с валторной; моя двоюродная сестра Вера³ садилась за рояль и аккомпанировала ему чудесные мелодии из опер и старинные романсы. Так хотелось в эти минуты самой скорее научиться играть. Иногда из Шлиссельбурга приезжал отец и привозил с собой известного писателя-юмориста Лейкина, который читал нам свои рассказы. Особенно оживленно было у нас в летние каникулы, когда приезжала молодежь: племянники отца⁴ и брат мамы, дядя Коля, которого я очень любила.

Примечание автора

Николай Александрович Дорошенко, брат моей матери, родился в 1857 году, учился в 3-й петербургской гимназии⁵, где дошел до 5-го класса. Писал в гимназическом журнале либеральные стихи, за них был исключен без права поступления в казенные

---

¹ Уездный город — Шлиссельбург. В начале своей деятельности в уездном земстве В. П. Марков снимал квартиру в Шлиссельбурге, а потом приобрел собственный дом. В 1896 году был освящен дом для земства на Дворянской улице, до этого управа арендовала помещение в доме шлиссельбургского жителя Ивана Ивановича Котова, а у В. П. Маркова земство арендовало помещение для Земского арестного дома.

² Дядя — Георгий Петрович Марков — участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Война была начата Россией для укрепления своих позиций на Балканах. Основные события — сражения на Шипке и у Плевны.

³ Двоюродная сестра Вера — Вера Платоновна Вакар.

⁴ Племянники отца — дети его сестер: Марии Петровны Вакар — Любовь, Надежда, Вера, Екатерина, Александр — и сын Надежды Петровны Желтухиной — Василий. У Георгия Петровича Маркова детей не было. Возможно, что в имении бывали дети Александра Петровича и Софьи Ивановны Марковых — Георгий, Иван, Софья, Александра, Петр, о них Ольга Владимировна Ольденборгер отдельно нигде не упоминает.

⁵ 3-я гимназия — одна из старейших гимназий в Петербурге, была основана в 1823 году. Находилась в Соляном переулке.

заведения. Родители отдали его в частный пансион для подготовки в Строительное училище (ныне — Институт гражданских инженеров). Он блестяще сдал экзамены и окончил институт в 1880 году. Будучи студентом, он писал в журналах «Слово» и «Отечественные записки» под своей фамилией. А в «Ниве» и «Живописном обозрении» — под фамилией Гриднев. Он был большим другом Надсона и писателя Михайлова. Перед своим отъездом на место назначения в город Ростов-на-Дону он женился на учительнице народной школы Анне Алексеевне Ворожейкиной. У моей мамы сохранились некоторые из его стихотворений, и она передала их мне. В этих стихах 15-летний мальчик переживает глубокую скорбь об участи старшего брата Александра и тяжелые годы в доме отца-деспота. В них он говорит об узниках, томящихся в темницах, о людях, страдающих за правду и продолжающих бороться за счастье и свободу народа, с глубокой верой в то, что настанет время, когда для всех угнетенных и обездоленных наступит свобода и будут навсегда разорваны цепи рабства.

Стихотворения Николая Дорошенко, гимназиста 3-й классической гимназии, переданные петербургской полиции начальством гимназии:

Мысль

Ее побивали камнями во прах,
Ее на кресте распинали,
В темнице томили и жгли на кострах
И псам на съеденье давали.
То подлость, то глупость людская стеной
Повсюду ей путь заграждала...
Но в тайные щели, как день золотой,
Как воздух она проникала.

Из мрака неволи, из пепла костров
Сильна и прекрасна вставала,
И ржавые цепи срывала с рабов,
И спящих от сна пробуждала.
И сеяла правду она меж людей
Средь лжи вековой и разврата;
Но бури раздоров шумели за ней,
И брат поднимался на брата,
И правда для них оставалась нема,
Их душу лучи ослепляли,
И светом казалась им прежняя тьма,
И свет они тьмой называли.

Стихотворение, из-за которого он был изгнан из 3-й классической гимназии без права поступления в казенные заведения:

Сон

Приснилось мне: растворилась темница,
Божий свет проникает в тюрьму;
Узник снова, как вольная птица
Выбегает навстречу ему.
Цепи ржавые пали со звоном
С рук его. Он, свободный, стоит,
И во взоре его просветленном
Луч надежды отрадный сквозит.
Исхудалые, бледные руки
Поднял к небу он, светел и рад.
И в ответ ему громкие звуки
Новой песни немолчно гремят.
Смертный! Брось свои оковы,
Цепи рабства разорви!
Жизнью светлую, здоровой
Жизнью полною живи!
Окрещенной силой новой
Братства, равенства, любви
Забывали горя годы.
Мир свободой озарен.
Прочь сомненья, прочь невзгоды,
Прочь неправедный закон.
Дуновение свободы
Поколеблет царский трон!
Воли этой могучие волны
Разливались так сладко кругом,
И внимал ей спокойный, довольный,
Дерзкий узник с веселым лицом.
Я проснулся. В окошко глядела
Ночь суровая, дождик стучал...
Мрак царил над землею всецело.
Ветер злобно вдали завывал.
Я смотрел в эту темень так жадно,
Ожидая рассвет... Увы! Его нет.
Для меня всюду мрак непроглядный
И когда же настанет рассвет.

ГЛАВА 2

Санкт-Петербург, имение «Александровка» и «Царицына гора»

Детство и юность

1878–1891

Вся наша семья засиживалась за вечерним чаем на террасе до наступления ночи. Студенты рассказывали о последних событиях города, о тяжелой жизни рабочих, ютившихся в подвалах многоэтажных домов; как задолго до рассвета по гудку фабричной трубы они шли по безлюдным улицам спящего города, а после работы в вечернюю мглу возвращались в свои конуры, в которых часто проживали по 8–10 человек. Многие пришельцы из деревень привозили и свои семьи, чтобы обзавестись хозяйством, но от этого не становилось легче: жене приходилось идти на поденную работу, маленькие дети были предоставлены улице. Наш земский врач говорил о необходимости высшего образования для женщин, уверяя, что до сих пор существуют страны, где женщина — раба, муж говорит ей: «Прими, подай, пошла вон», как во времена крепостного права, что пора изжить все старое, гнилое. Долго оставалось в памяти вдохновенное лицо дяди Коли¹, читавшего свои стихи. А я, восьмилетняя девочка, чутко прислушивалась к разговору взрослых, мало понимая многое, была рада, что родители позабыли отправить меня спать.

После отъезда молодежи жизнь входила в прежнюю колею, но я стала замечать, что мама с каждым днем становится задумчивей и подолгу совещается с отцом. В конце лета я узнала, что она поступает с осени на Высшие женские курсы² и берет меня с собой. Брат и сестра останутся в деревне на попечении бабушки и приезжающей племянницы отца³.

---

¹ Дядя Коля — Николай Александрович Дорошенко.

² Высшие женские курсы — Бестужевские высшие женские курсы, назывались по имени их первого директора, известного историка, академика Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, находились курсы на 10-й линии Васильевского острова.

³ Племянница — вероятно, Вера Платоновна Стырикович или ее сестра, Надежда Платоновна Акимова (дочери Платона Алексеевича Вакара и Марии Петровны, урожденной Марковой).

Меня несколько пугала мысль попасть в немецкий пансион, но надежда, что моя мама будет также учиться, утешала меня, а по вечерам мы будем встречаться дома.

В 1878 году мы поселились в небольшой квартире на Васильевском острове. С нами жили две курсистки — Мария Алексеевна Сперанская и Дабижа, приехавшая из Грузии. У нас была прислуга, которая заведовала общим хозяйством и отводила меня в пансион¹. Там я училась, обедала и только вечером возвращалась домой. Я быстро научилась говорить по-немецки; читать и писать на родном языке я умела давно, занимаясь с мамой. Жили мы неплохо; отец часто навещал нас.

А из деревни двоюродная сестра присылала письма обо всем, что у них происходит: дети много гуляли, катались с горы, а когда вечером их укладывали спать, к бабушке собирались все обитатели усадьбы: дядя со своим неизменным приятелем, доктор с женой и моя двоюродная сестра²; играли в лото или в модную тогда карточную игру «Желтый карлик». Все старались, чтобы бабушка выиграла; иначе она не на шутку сердилась и подозревала всех в плутовстве.

Как-то незаметно прошли годы моего детства; мама окончила Бестужевские курсы, отцу давно уже был разрешен въезд в столицу, но он так привык к земской работе, так сжился с ней, что, несмотря на строгий контроль свыше, продолжал свое любимое дело, часто вспоминая советы Некрасова. Только после избрания его председателем Губернской земской управы вся наша семья в 1882 году переехала в Петербург. Родители отдали меня в гимназию Оболенской³, брата — в классическую гимназию. Имея диплом, моя мать давно мечтала об устройстве пригготовительного учи-

---

¹ Немецкий пансион — пансион Эмилии Карловны Шаффе на 5-й линии Васильевского острова.

² Доктор с женой — Александр Григорьевич и Вера Платоновна Стырикович. Двоюродная сестра — вероятно, речь идет еще об одной дочери Платона Алексеевича Вакара и Марии Петровны, урожденной Марковой, — Любви или Надежде (младшая, Екатерина (в замужестве Кононова), училась в эти годы в Смольном институте). Наиболее вероятно, что это была Надежда Платоновна Вакар, в замужестве Акимова.

³ Гимназия Оболенской — первая частная женская гимназии, основанная в 1870 году Александрой Алексеевной Оболенской.

лица для девочек. Не имея достаточного опыта к оборудованию школы, закупке инвентаря, подбору учителей, моя мать должна была сообразовать расходы со строго ограниченным бюджетом. Помимо того, часто происходили недоразумения с родителями учеников. Мать, конечно, не делала различия в приеме детей, к каким бы слоям общества они ни принадлежали; однако многие родители приходили в негодование, узнав, что их дочери обучаются с детьми дворников.

Из деревни в это время приходили невеселые вести, что сильно волновало отца. Управляющий не оправдал доверия родителей, он устраивал нечто вроде аукциона на лесные покосы, которые в первую очередь доставались зажиточным крестьянам и лавочникам соседних деревень. За сухоподстой, который только мешал расти здоровым деревьям и который, как и покосы, отец отдавал крестьянам даром, управляющий требовал денег и клал их себе в карман. Новая служба в Петербурге являлась большим препятствием для отъезда отца в деревню, и мать решила сама поехать, найдя временно заместительницу на свою работу, навести порядок в запущенном деревенском хозяйстве: проценты на заложенную землю выплачивались ежегодно с большими затруднениями; тяжелым бременем было также содержание бывшей дворни, жившей на пенсию бабушки. Трудно было разобраться в этом хаосе неоплаченных счетов и тяжело жить на два дома.

По совету однокурсницы моей матери Марии Алексеевны Сперанской, получившей место преподавательницы русского языка в Смольном институте, родители решили радикально перестроить свою жизнь. Поместить меня и сестру в закрытое учебное заведение Смольного¹, брата — в Училище

В годы, когда там училась Ольга Маркова, гимназия находилась в Басковом переулке.

¹ Смольный институт, учебное заведение Смольного — Институт благородных девиц, первое привилегированное среднее образовательное и учебно-воспитательное заведение закрытого типа для дочерей дворян. Основан институт в 1764 году под названием «Императорское воспитательное общество благородных девиц». В Смольном институте учились многие представительницы рода Дубяньских-Марковых-Вакаров: дочь Елизаветы Федоровны Дубяньской — княжна Александра Яковлевна Долгорукова, Варвара Михайловна Дубяньская, Ольга Владимировна и Вера Владимировна Марковы, Екатерина Платоновна Вакар.

правоведения¹ и ликвидировать неудачную попытку матери с приготовительным училищем.

После трех лет обучения в гимназии мне было нелегко привыкать к замкнутой жизни института; я должна отдать полную справедливость тем воспитательницам, которые со вниманием и лаской относились к нам, в особенности к тем, родители, которых жили в провинции, вдали от столицы, и не имели возможности часто навещать детей. Нам прекрасно преподавали иностранные языки, заставляли ежедневно говорить в свободное от занятий время на немецком или французском языках; при этом нашим воспитательницам вменялось в обязанность читать нам вслух отрывки из произведений классиков. Этот обычай помог многим из нас, и мне в том числе, в будущей жизни. Программа остальных предметов в дореволюционное время была ограничена, но никто не препятствовал нам при выходе из института продолжать дальнейшее образование. Кроме того, при Смольном существовали двухгодичные педагогические курсы, приготовляющие специально домашних наставниц для первоначального воспитания и обучения детей.

В эти три последних года моего пребывания в институте моя мать энергично занялась ликвидацией допущенных злоупотреблений в деревне. После изгнания управляющего, по совету нашего земского врача Стыриковича², она собрала сход крестьян из деревень и объявила им о восстановлении прежнего порядка в отношении бесплатного пользования лесными покосами и сухоподстоем. Затем она предложила

---

¹ Императорское училище правоведения образовано в 1835 году «по мысли и на средства принца Петра Георгиевича Ольденбургского для образования благородного юношества на службу по судебской части». Среди родственников О. В. Ольденборгер, кроме брата, в Училище правоведения учились муж тети Марии Петровны — Платон Алексеевич Вакар — и их сын Александр, муж младшей сестры Веры Владимировны — Сергей Александрович Бутурлин — и их сын Александр.

² Стырикович Александр Григорьевич был земским врачом южного медицинского участка Шлиссельбургского уезда, а позже — земским врачом всего уезда. Затем многие годы был мировым судьей уезда.

отвести в каждой деревне избу под детские ясли¹ и выбрать двух престарелых женщин для наблюдения за маленькими детьми, матери которых уходили на полевые работы. Крестьяне одобрили это предложение, тем более что мать обещала постоянно приезжать в деревню и наблюдать за чистой и порядком. Зимой она пригласила из агрономического уездного пункта инструктора, приезжавшего еженедельно по воскресеньям. Он читал лекции местным крестьянам, приходившим в свободный вечер в усадьбу, об уходе за скотом, заготовке кормов на зиму, о выделке масла. С каждым разом число слушателей увеличивалось. Девушки приходили как на праздник; парни приносили гармонь, и после отъезда инструктора молодежь была рада потанцевать в большой комнате одной из дач, пустовавших зимой. Вскоре к слушателям присоединились приезжие из Эстонии переселенцы.

В 1865 году, после отмены крепостного права, богатые землевладельцы Эстонии освободили крестьян без земли, и этот трудолюбивый сельскохозяйственный народ переживал тяжелую трагедию — оставаться батраками у своих старых хозяев или искать заработка на фабриках и заводах. Многие семьи обратились к русскому правительству с ходатайством о выделении для них участков земли в наших уездах, граничащих с землями их родины. С разрешения Министерства земледелия многие помещики пошли навстречу эстонцам, и, таким образом, в наших краях началось постепенное вселение нового элемента — хуторян-арендаторов. Они получали лесные, удаленные от крестьянских наделов участки. Им безвозмездно отпускался лес для построек, отводили для будущих полей и огородов то количество десятин, которое могла обработать и привести в культурный вид одна семья. Плата за аренду назначалась только по истечении трех лет — пять рублей за десятину. Культура и работоспособность пришельцев быстро привилась и нашему населению.

---

¹ Анна Александровна Маркова организовала в 1877 году детские ясли в деревне Староселье Шапкинской волости и в селе Лезье соседней Лезьенской волости. Благодаря ее заботам наняли дом, приобрели детские колыбельки, белье, посуду, запаслись продуктами и лекарствами. О первом опыте организации яслей в уезде была сделана запись в Отчете Шлиссельбургского уездного земства за 1877 год. В 1880-х годах А. А. Маркова была попечительницей Лезьенской земской школы.

Особенно финнам, имеющим с ними одну религию и родственный язык. Хутора¹ располагались преимущественно вдоль Шлиссельбургского уездного тракта; эстонцы были сами заинтересованы в его хорошем состоянии, имея коров и переправляя молочные продукты на станцию Тосно, а отсюда — поездом в Петербург.

Что касается запущенного хозяйства в самой усадьбе, то, выписав «Сельскохозяйственный вестник», издаваемый Энгельгардтом, моя мать с присущей ей энергией начала изучать методы ведения небольшого хозяйства. Она мечтала обратить десятками лет запущенную землю в плодородную почву и свой первый опыт начать с небольшого участка в южной части усадебной земли между двумя аллеями. Из плодоводства в Воронеже, из Дерпта (нынешнего Тарту), из Риги от Вагнера она осенью выписала трехлетние яблони; они были высажены на подготовленном к тому времени участке. Отец, вспоминая неудачную попытку с приготовительным училищем, шутовски говорил, что его карман начинает трещать от новой затеи матери. Но когда осенью через три года ему поднесли целый поднос разносортных яблок, которые привели бы, наверное, в восторг самого И. В. Мичурина, он был очень доволен.

---

¹ Хутора располагались на землях имения «Шапки», принадлежавшего в те годы Фемистоклу Ивановичу Петрококино, и на землях, принадлежавших Марковым. В памяти жителей сохранились фамилии некоторых хуторян — Криг, Визе, Кербис, Лепик, Антон (Стекланный) Стекланский. Визе и Кербисы жили на хуторах в долине речки Гурловки, группу этих хуторов называли Кюльвией (в переводе с эстонского «Сеять») или Гурловкой. На речке Гурловке у эстонцев была водяная мельница. Хутор, принадлежавший А. Стекланскому, находился справа от дороги Нурма-Шапки, там, где дорога делает поворот к «Брусовой горе». По легенде, у Антона было какое-то небольшое производство стекла, спекшиеся куски стекла долго служили украшением садовых клумб местных жителей. И. Лепик жил в районе Макарского озера, хутор называли Лепиковым бугром. Разбогатеv, Лепик перебрался в Тосно, где держал небольшой ресторанчик. Криг жил на хуторе, стоявшем у дороги Нурма — деревня Пендиково. Он много лет учил эстонских ребятишек в частной эстонской школе, содержавшейся на средства эстонских хуторян при небольшой поддержке Шлиссельбургского уездного земства.

Первый успех на двух десятинах посаженных в шахматном порядке яблонь пробудил стремление увеличить площадь фруктового¹ и ягодного сада, в центре которого находился небольшой пруд, где когда-то разводились караси для барского стола. Таким образом, в течение пяти лет на площади в пять десятин возник плодовый сад, считавшийся одним из лучших в уезде. Приобретением нескольких телят ангельской породы мать положила основание небольшой фермы; по примеру эстонцев, через день несколько бидонов молока отправлялись на станцию² и дальше в один из магазинов города. В короткий срок мои родители могли убедиться в правдивости русской пословицы, что «энергия и труд все перетрут»³. Доходы с сада и молочного хозяйства оплачивали и содержали садовника и временных рабочих, а главное — облегчали ежегодную плату процентов за заложенную дедом и отцом бабушки землю⁴.

Я окончила институт в 1888 году и по примеру матери хотела осенью поступить на Бестужевские курсы. Но на семейном совете отец решил на один год оставить меня дома; часть зимы провести с мамой в деревне, часть — в городе в доме моей тети Маши, сестры отца. На следующий год родители хотели окончательно изменить жизнь и по зимам жить в Петербурге. В деревне я не скучала: у нас была прекрасная библиотека русских и иностранных писателей в подлиннике; я продолжала заниматься усердно на рояле, вспоминая старого институтского профессора Гензельта, наградившего меня при выпуске произведениями Шуберта.

---

¹ Фруктовый сад в XX веке насчитывал около 600 фруктовых деревьев. Сад погиб в суровые зимы 1940–1941 и 1941–1942 годов.

² Станция Тосно Николаевской железной дороги.

³ Так в авторском тексте. Пословица же — «Терпение т труд...»

⁴ По данным Шлиссельбургского уездного земства, в 1878 году у надинских помещиков Марковых под усадьбой, лугами и пашнями было 450 десятин, под лесами и выгонами — 2494 десятины, 1087 десятин числились как неудобья (всего 4031 десятин земли). Оценочная стоимость земель в Шапкинской волости составляла 33 рубля 33 копейки для земель под усадьбами, пашнями и лугами и 3 рубля — для выпасов и лесных угодий. Неудобья налогом не облагались. После смерти матери в 1891 году и выделения доли брату Георгию Петровичу В. П. Марков получил в наследство 3800 десятин земли.

Мама достала свои литографированные лекции и стала проходить со мной первый курс историко-филологического факультета Высших женских курсов. Поездки в город меня не удовлетворяли: двоюродные сестры были старше меня, тетя с утра погружалась в хозяйственные хлопоты, а ее муж, Платон Алексеевич Вакар, — главный цензор по делам печати и первоприсутствующий сенатор — часть дня просматривал газеты или, надев все свои ордена, уезжал в Сенат.

В летние месяцы, когда приезжали брат и сестра, у нас часто гостили знакомые. Каникулы проходили всегда весело и оживленно. Вся наша молодежь любила устраивать пешком или в экипаже большие и отдаленные прогулки в окрестности Шапкинской и соседней с ней Лезьенской волости. У села Шапки, на протяжении трех верст, раскинулся огромный парк с двумя прудами: Верхним и Нижним; на последнем были два острова, соединенных с парком двумя мостами. В центре парка находился старинный одноэтажный дом с широким подъездом, по обе стороны которого лежали два прекрасно сохранившихся чугунных льва¹. Большая липовая аллея вела к оранжерее, по стенам которой вились персиковые деревья² и виноградные лозы. Несмотря на отсутствие владельцев, старый садовник Муратов заботливо ухаживал за вверенным ему имуществом, и только 15 июля, в день именин отца, с разрешения управляющего приносил в небольшой корзине эти редкие на нашем севере фрукты. В старом

---

¹ Один из чугунных львов чудом уцелел в годы немецкой оккупации и сейчас хранится в Тосненском историко-краеведческом музее.

В усадьбе в эти годы было еще три пруда: у библиотечного павильона, пруд на границе с Покровской площадью и расположенный южнее оранжереи совсем небольшой прудик с круглым островком по центру. При Ф. И. Петрокино в усадьбе в большом пейзажном, хорошо ухоженном парке располагался господский дом с двумя флигелями, дом управляющего имением, дома для гостей, людская, три дома для служащих и дом для рабочих. Многочисленные капитально построенные хозяйственные постройки, среди которых следует отметить водонапорную башню и оранжерею. Территория усадьбы освещалась масляными фонарями. Были постройки, носившие декоративно-прикладной характер, — беседки, смотровые площадки, маленькие домики. На Нижнем пруду была расположена деревянная купальня.

² Может быть, персиковые деревья были выращены в форме пальметты, которая на первый взгляд производит впечатление вьющегося дерева.

доме, казалось, ничего не изменилось: старинные диваны по углам, обитые полинявшим от времени штофом. Большая гостиная, стены которой вместо обоев были украшены панно с изображением мифов о любви Психеи и Амура. Несколько десятков картин на черном фоне стекла — фигуры римских воинов и богинь, очевидно, вывезенных из Италии.

Бабушка рассказывала, что имение Шапки принадлежало ее деду Якову Федоровичу Дубянскому; отец ее, Александр Яковлевич¹, продал его камергеру Балашеву², выстроившему в Шапках большую церковь из кирпича, вывезенного из разрушенного Успенского монастыря. Все сыновья Балашева погибли в различных сражениях; на больших мраморных досках, прикрепленных между окнами церкви, бронзовыми буквами написаны их имена и места сражений, где они погибли. Балашев продал имение парижскому банкиру Петрококино — богатому греку³. Для него, конечно, были совершенно

---

¹ Имение Шапки после смерти Якова Федоровича Дубянского унаследовали братья — Александр Яковлевич и Федор Яковлевич Дубянские. В результате раздела наследства село Шапки с барской усадьбой и деревнями Нурма, Горки, Пендиково, Белово, Белоголово, Ерзуново, Гертово отошли к Федору Яковлевичу, он вскоре продал имение Александру Дмитриевичу Балашову. Александру Яковлевичу отошли деревни Староселье, Сигалово, Надино, Любино, Жоржино, Нечеперь, Кантули, Мга (Муя), Старостино. У деревни Надино Александр Яковлевич построил новую усадьбу «Александровку» (деревни Надино, Любино, Жоржино носили тогда финские названия).

² Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Шапках была окончена постройкой в 1786 году при Якове Федоровиче Дубянском, после чего официально Шапки стали называть селом Покровским. В 1847 году при Александре Александровиче Балашове церковь была возобновлена. Об этих двух событиях гласили таблички, расположенные в западной части храма.

В склепе под церковью были похоронены: Александр Дмитриевич Балашов и его три сына: Александр, Петр и Иван. Из них на Кавказе погиб только Иван Александрович Балашов. А также в склепе были похоронены жена П. А. Балашова — Александра Ивановна Балашова, урожденная Паскевич, и дочь А. А. Балашова — Елена.

Там же, под Покровской церковью, в семейных склепах похоронили Дубянских-Марковых: А. Я. Дубянского, Л. А. Маркову, урожденную Дубянскую, Г. П. Маркова и В. П. Маркова.

³ Имение «Шапки» продал в 1884 году Фемистоклу Ивановичу Петрококино Петр Александрович Балашов, внук Александра Дмитриевича Балашова.

безразличны и красота местности, и бывшие памятники старины — нетронутые старыми владельцами сосновые леса да целая гряда холмов на протяжении десятков верст. Гряда холмов заключала в себе гравий и песок, как и лес — ценные строительные материалы. Сам банкир, кажется, никогда не заглядывал в приобретенное им имущество, а приехавший поохотиться из Парижа его сын Жан сильно заболел болотной лихорадкой и навсегда, по-видимому, отказался посещать наши края. Петрококино, построив железнодорожную ветку от Шапок до станции Тосно, в 1915 году продал свое имение графу Воронцову-Дашкову¹.

Меня еще ребенком интересовала и привлекала местность в шести верстах от Шапок, входящая в состав земельного участка моего отца. Местные старожилы называли ее Царицыной горой²; такое название она сохранила и поныне. Несколько лет спустя мне удалось найти в брошюре Археологического института интересную заметку: «Монастыри, упраздненные в царствование Екатерины II». Между многими перечисленными монастырями был упомянут и Успенский монастырь

---

¹ Имение «Шапки» Воронцовым-Дашковым продал наследник — сын Фемистокла Ивановича Петрококино Иван (Жан). Фемистокл Иванович умер в 1912 году (по другим данным, в 1911-м). Он немного не дожид до открытия железнодорожной ветки Тосно-Шапки, строительство которой было закончено в 1912 году. Сделка приобретения имения «Шапки» была оформлена на имя графини Ирины Васильевны Воронцовой-Дашковой, урожденной Нарышкиной, во втором браке княгини Долгоруковой.

² Царицына гора — в настоящее время урочище в 3-х километрах от деревни Староселье. Во времена, когда этими землями владел Великий Новгород, поселение называлось Гора, принадлежала деревня известному новгородскому посаднику Василию Онанину (Ананьину).

В 1821 году прадед Ольги Владимировны Ольденборгер, Александр Яковлевич Дубянский, сделал описание надгробной плиты и ее снимок от руки. Документы были переданы А. Я. Дубянским графу Николаю Петровичу Румянцеву: «Чсть имею препроводить к Вашему превосходительству чертеж местоположения и опись гробницы в моем имении».

В семейном архиве И. Н. Евгеновой сохранилась рукописная страничка с записями Ольги Владимировны об истории Царицыной горы.

в Шапкинской волости. Он был расположен в красивой гористой местности с лесными озерами, оврагами, сосновыми лесами, с юго-западной стороны, как упоминалось в брошюре, гора была почти неприступна, а у подножья ее расстилась низина почти до реки Тосно. Много веков тому назад она была дном большого озера, частично сохранившегося и по сие время с восточной стороны. Быть может, она была даже дном моря, так как при мелиоративных работах, прокладке канав и осушке болот местные жители находили остатки частей судов с причудливыми резными фигурами, горшки с медной монетой, наконечники копий, каменные чаши. Монеты были исключительно шведские, они относились к XVII столетию, времени царствования шведской королевы Христины. Развалины монастыря на горе не сохранились. Как рассказывала бабушка, кирпичи действительно были вывезены в Шапки. Но до 1880 года я очень хорошо помню, что среди высоких берез лежало несколько плит. Одна из них была белого мрамора с отбитым краем. Надпись на ней церковно-славянская была сильно стерта годами. В настоящее время мне трудно доподлинно вспомнить ее: «Здесь похоронена царица угол... (угол отбит) в инокинях Марфа...» Даже нельзя было разобрать текст молитвы о каких-то убиенных старцах. Трудно было понять: была ли это одна из жен, сосланных Иоанном Грозным, или жена убитого им старшего сына. Через год плита исчезла и, по словам крестьян соседней волости, была увезена каким-то любителем старины. Более древнее название этой местности, по сведениям, полученным из Археологического института, было Силасари. По-фински «сари» обозначает остров, и это название еще более подкрепляло предположение, что много веков назад вся наша местность была берегом большого водяного пространства. По тем же сведениям, все земли принадлежали «Новгородским пятинам»¹, граничащим и в настоящее время с южной частью Шлиссельбургского уезда близ деревни Замостье. Как и во многих исторических местах нашей родины, об Успенском монастыре издавна сложилась легенда. Во время набегов шведов, которые не раз вторгались

---

¹ Новгородские пятины — административно-территориальные области в Новгородской земле с XV века (Бежецкая, Водская или Вотская, Деревская, Обонежская, Шелонская). Упразднены в XVIII веке. Шапкинские земли входили в состав Водской пятины. В XIX — начале XX века имение Шапки граничило с Новгородским уездом, который когда-то тоже входил в состав Водской пятины.

в пределы нашей северной области, жители монастыря спрятали дорожную церковную утварь и казну в сундук и опустили его на цепи в глубокое лесное озеро. Цепь прикрепили к подводной свае. Прошли годы, многие тщетно пытались поднять тяжелый сундук, и, наконец, при одной попытке цепь лопнула, и тяжелый груз навсегда опустился в илистое дно.

Из знакомых последних лет моей институтской жизни особенно памятна мне семья Бем, приезжавшая в продолжение многих лет в Шапки¹; управляющий имением отвел для нее несколько комнат, граничивших с оранжереями. Людвиг Францевич Бем — профессор консерватории — часто приезжал к моим родителям и привозил свою скрипку; к вели-

---

¹ Семья Бем, по воспоминаниям современников, отдыхала на даче в имении «Шапки» на протяжении 13 лет. В какие годы Бем жили в Шапках, точно не установлено, ориентировочно это были 1877–1890 годы. В Государственной Третьяковской галерее хранится работа Е. М. Бем «Семейство Бем в дороге», 1877 г. Бумага, тушь, силуэт. В верхней части листа авторская надпись «Тосна». На рисунке изображены Елизавета Меркурьевна и Людвиг Карлович Бем, их дочь Лилуша, одна из младших сестер Елизаветы Меркурьевны — художница Любовь Эндаурова, две служанки и две собаки. Вероятно, зарисовка относится к поездке на дачу в имение Шапки. До Тосно в те годы ехали на поезде, а дальше добирались на лошадах. Экипаж за дачниками присылали из имения. С таким же сюжетом выпускались почтовые открытки. До середины 1870-х годов семья Бем ездила каждое лето в имение отца Елизаветы Меркурьевны — Меркурия Николаевича Эндаурова — село Щепцово Пошехонского уезда Ярославской губернии. В 1878 году отец передал имение сыну Николаю, а в 1880 году имение было продано. Вероятно, поэтому семья Бем подыскала дачу ближе к Петербургу. С годами дорога до Шапок казалась все утомительнее, и они перебрались в Любань, в имение Болотовых «Горка», которое располагалось недалеко от железнодорожной станции Любань Николаевской железной дороги. Александр Владимирович Болотов сдавал дачные помещения, а затем распродал часть имения под дачные участки. По инициативе А. В. Болотова Любанское общество попечения о бедных предприняло выпуск почтовых открыток. А. В. Болотов привлек к сотрудничеству Е. М. Бем, ее сестру Л. М. Эндаурову и их знакомых художников — Н. А. Сергеева, Ф. П. Ризниченко, Ю. Ю. Клевера и М. Ю. Клевер. Елизавета Меркурьевна выполнила для Общества 7 открыток, Любовь Меркурьевна — 14.

кому удовольствию нашей семьи, у нас летом устраивались импровизированные концерты; хорошим аккомпаниатором являлась и моя кузина Вера. Жена Людвиг Францевича, Елизавета Меркурьевна Бем, была художницей особого жанра; ее специальностью были силуэты, которые приобрели ей славу не только у нас в России, но и во Франции и за океаном, в Америке. Она получала бесчисленные заказы, и про нее можно было сказать, что в те времена она была единственной в этом роде искусства. В своем творчестве она была неутомима. Помню, как, собрав пять ребятишек из села, она заставила их позировать для издаваемых ею иллюстраций к рассказу Тургенева «Бежин луг». В этих черной тушью изображенных фигурах можно было сразу узнать стоящего на коленях перед котелком Павлушку, лежавшего опершись на локоть Федю; Костю, задумчиво наклонившего голову, и Ваню, лежавшего под рогожей, высунув свою кудрявую головку. Дети охотно шли на приглашение «доброй тети», получая в награду за свой труд орехи, леденцы и пряники. Несколько крестьян из ближайшей к нашей деревне — д. Староселье — привлекли ее внимание своими характерными чертами лица. И вот к замечательному произведению писателя Тургенева прибавились силуэты к рассказам: «Бурмистр», «Хорь и Калиныч», «Свидание», «Герасим и Муму»¹. Моему отцу в день его именин она в продолжение нескольких лет дарила к обеду художественное меню. У отца их накопилось около 15 штук, и он заказал для них альбом, завещая его мне². После смерти отца художник Бродский хотел приобрести его для музея. Я решила передать ему эту ценную вещь через моего знакомого. Но в памятном

---

¹ Опечатка в машинописном тексте воспоминаний; речь идет о силуэтах Герасима и Муму к рассказу «Муму».

В 1889 году была издана книга «Главнейшие съедобные и несъедобные грибы», в основу которой легли зарисовки грибов Е. М. Бем. По времени издания книги можно предположить, что зарисовки были выполнены в окрестностях Шапок, Староселья, Надино.

² Одно такое меню сохранилось и было представлено на выставке в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга в 2010 году. Оно называется «Александровка. Обед 15 июля 1880 года» и считается самым ранним из всех меню, нарисованных Е. М. Бем. Рисунок, украшающий меню праздничного обеда 15 июля, в день именин Владимира Петровича Маркова, владельца усадьбы «Александровка», изображал, как ребятишки-поварята и служки несут кушанья.

для всех ленинградцев 1941 году, во время блокады, альбом погиб под развалинами разрушенной квартиры. Сестра Елизаветы Меркурьевны, Любовь Меркурьевна Эндаурова, окончив рисовальную школу, специализировалась на изображениях цветов, которые особенно ей удавались. В продолжение многих лет ее открытки продавались во многих эстампных магазинах Петербурга. Ее работы мне очень нравились, и отчасти эта симпатичная девушка явилась виною моего неожиданного и необдуманного решения поступить в рисовальную школу Штиглица¹ вместо намерения продолжать по примеру матери свое образование на Бестужевских курсах. В институте я рисовала хорошо и считалась способной ученицей; но когда мне пришлось срисовывать гипсовые фигуры конусов, шаров и пирамид чернилами при помощи камышового пера, я увидела, что каждая моя ошибка, каждая линия неизгладимо остается на бумаге. Мне это не нравилось, становилось скучно, и я скоро почувствовала свою ошибку в выборе такой неудачной работы. Да и моей матери, по-видимому, было неприятно, что я свернула с намеченного пути. Утешала только возможность посещать в свободное от занятий время театр. Одна из маминых подруг по Бестужевским курсам вышла замуж за профессора Петра Осиповича Морозова, преподававшего в Театральном училище историю театра. Он имел на все представления кресло пятого ряда в Александринском и Михайловском театрах². После первого спектакля новой пьесы, когда требовалось его личное присутствие, он часто передавал свой билет маме, а она великодушно уступала его мне. В 1889 году в Михайловском театре гастролировала парижская драматическая труппа с артистами Гитри и Ниной Мёнт во главе; а в Александринский театр во время поста приехала из Германии труппа театра герцога Мейнингенского. Она привезла с собой все декорации к пьесам, которые никогда не исполнялись в Петербурге. Игра артистов была так прекрасна, так понятен их язык, что, не желая беспокоить профессора, я часто брала с моей знакомой билеты на галерку, не пропуская ни одного спектакля. Я так увлеклась игрой артистов,

---

¹ Училище Штиглица — Центральное училище технического рисования барона А. Л. Штиглица.

² Александринский театр в советское время назывался Академическим театром драмы имени А. С. Пушкина, или Пушкинским театром. Михайловский театр — Малым оперным театром.

что накупила фотографии многих из них. В «Юлии Цезаре» Брута играл Бартель, и его знаменитый монолог после убийства Цезаря вызвал целую бурю аплодисментов. Когда ставили «Тевтобургский лес», где когда-то происходили жестокие бои римлян с германцами, декорация заставляла забыть, что мы находимся в театре, а не в глухом первобытном лесу, где в туманной дали виднелись свайные постройки.

Людвиг Францевич часто присылал нам билеты в консерваторию, где на весенних испытаниях выступали его ученики. Старшая дочь бабушки¹, вышедшая замуж за окончившего Училище правоведения чиновника, имела ложу в Мариинском театре и часто приглашала меня. После трех лет замкнутой жизни и последнего года, проведенного в деревне, все эти новые впечатления совсем выбили меня из колеи повседневной однообразной работы в рисовальной школе, которая совершенно перестала интересовать меня.

Однажды дядя Платон, муж тети Маши², прислал нам с мамой билеты на благотворительный концерт в пользу недостаточных³ студентов Медицинского института. Мы решили послушать приглашенных из оперы и драмы артистов и вернуться раньше домой, к приходу после заседания в управе отца. После концерта к нам подошел знакомый врач и представил нам военного топографа, который оказался очень веселым собеседником. В соседнем большом зале начались танцы, и я невольно согласилась принять в них участие, забыв, что маме придется одной поскучать со старым доктором. В общем, мне было весело и потанцевать с новым знакомым, и поговорить обо всем, что интересовало нас обоих. На прощанье он попросил маму разрешения явиться с визитом на следующий день. А потом произошло то, что часто случается при таких неожиданных знакомствах, — совместное посещение выставок картин, музея, Эрмитажа. Короче говоря, Н. Н. мне сделал предложение, я дала согласие, решив за отъездом матери поговорить с отцом. Но отец взглянул на это неожиданное известие неодобрительно;

---

¹ Мария Петровна Маркова, в замужестве Вакар.

² Дядя Платон — Платон Алексеевич Вакар, муж Марии Петровны, урожденной Марковой.

³ Недостаточные — небогатые, незажиточные (устаревшее).

он посоветовал нам обоим раньше, чем предпринимать такой серьезный шаг, лучше узнать друг друга. Зная из слов Н. Н. о его скором назначении в качестве топографа на изыскания строящегося Сибирского железнодорожного пути¹, отец высказал свое мнение, что во время такой продолжительной разлуки мы сможем проверить свое взаимное чувство и только после возвращения решить вопрос о браке. Я знала, что с решением отца спорить не придется, да и мать после приезда разделила взгляды отца, хотя была сильно обеспокоена моим унылым видом и апатией, которая овладела мною. Грустно прошли для нас последние дни перед отъездом. Мы обещали часто писать друг другу и бережно хранить нашу любовь и дружбу.

Весной 1891 года мама получила письмо от брата Николая², который когда-то в летние каникулы приезжал к нам в усадьбу. Он служил в продолжение 10 лет в Ростове-на-Дону, был женат, имел троих детей и считался одним из лучших архитекторов города. Он просил моих родителей отпустить меня к нему на юг ввиду предстоящей возможности путешествия его жены на Кавказ. После некоторых колебаний родители согласились, тем более что мой родственник, получив назначение в Ставрополь³, в конце июля собирался ехать на место своей службы и обещал доставить меня к дяде. Первую часть лета я провела у нас в деревне; обещание писать моему другу я исполняла аккуратно; я всегда была в курсе его работ, с интересом прочитывала его письма, описания тайги, бесконечных степей, в день его приезда занесенных еще снегом, широких рек, через которые проектировали построить мосты. Это был Великий Сибирский путь к далекому восточному морю. К сожалению, я не могла написать ему ничего нового, интересного. Та же работа в школе, посещение театров или знакомых, главное — отсутствие той целеустремленности, которая красной нитью прошла через жизнь моих родителей.

---

¹ Сибирский железнодорожный путь — Транссибирская магистраль, Великая сибирская магистраль. Железная дорога Челябинск–Омск–Иркутск–Хабаровск–Владивосток (около 7 тыс. километров) соединила европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком. Дорога построена в 1891–1916 годах.

² Николай Александрович Дорошенко.

³ Уточнить кто, из многочисленных родственников О. В. Марковой, получил в эти годы назначение в Ставрополь, не удалось.

ГЛАВА 3

Поездка на юг Ростов-на-Дону Первые годы семейной жизни 1891–1902

И вот я впервые на юге. Как далеко от родины, от Петербурга с его прямыми, как стрела, улицами, широкими площадями, дворцами, музеями и памятниками. Нет нашей скованной гранитом набережной Невы, прекрасных зданий Адмиралтейства и театров. В Ростове на улицах разноголовая толпа; куда-то спешат, слышен говор украинцев, греков, армян, евреев. Особенно шумно у берегов «тихого» Дона. У причалов стоят барки, нагруженные арбузами, вдоль берега проложены рельсы, на которых стоит бесконечная вереница товарных вагонов. Из них выгружают золотистую пшеницу и ссыпают посредством элеваторов на иностранные суда. Тут же на якоре греческие фелюги; они доставляют в Ростов изюм, сухие фрукты и вина.

Дядя¹ был рад моему приезду, познакомил с женой и сообщил мне, что инженер Полков — строитель железнодорожного пути «Тифлис–Батуми», его старый товарищ, — предлагает воспользоваться своим служебным вагоном и приехать к назначенному им сроку в Тифлис². К сожалению, дядя ввиду неотложной строительной работы не мог принять участия в этой интересной поездке и, кроме жены и меня, предложил ехать родственнице его сослуживца.

Через несколько дней мы выехали из Ростова. Располагая достаточным временем для приезда в Грузию, тетя³ решила остановиться на станции «Минеральные Воды», нанять экипаж и прокатиться в Кисловодск. В те времена еще не существовало общественного транспорта и такси, и к группам с железнодорожного транспорта и для приезжающих к поезду отправляли пароконные экипажи. Я, конечно, была в восторге от неожиданного проекта. Мы остановились в гостинице

---

¹ Дядя — брат матери — Николай Александрович Дорошенко.

² Тифлис — Тбилиси.

³ Тетя — жена Николая Александровича — Анна Алексеевна Дорошенко (в девичестве Ворожейкина).

вблизи источника «Нарзан». Утром, пока приятельница тети спала, мы вышли в парк, уселись под тенью большого платана и стали обсуждать, как бы добраться до знаменитой «Кольцо-горы», находящейся в нескольких верстах от Кисловодска. Оттуда открывался прекрасный вид на заснеженную вершину Эльбруса. Неожиданно к нам подошли два горца в папахах и бешметах. За поясом сверкали чеканным серебром рукоятки кинжалов. Они протянули нам свои визитные карточки. На первой я прочла: «Князь Сандро Вачнадзе — Кахетия, город Сигнах». На второй: «Князь Джевахо — поручик Менгрельского полка»¹. Один из них объяснил нам, что, приехав по делам в Кисловодск, они остановились в той же гостинице и, узнав от хозяина, что мы просили прислать проводника, чтобы осмотреть окрестности, решили предложить свои услуги. Приехали они оба из Кахетии, привезли вино в бурдюках с собственных виноградников. Вино они уже доставили в погреба гостиниц и, зная хорошо все окрестности, хотели бы с разрешения тети сопровождать нас. Я со страхом взглянула на них, моей первой мыслью явилось подозрение, что перед нами появились не князья, а переодетые разбойники; говорили очень плохо по-русски, коверкая слова, особенно Вачнадзе. Видимо, и тетя не особенно доверчиво отнеслась к их неожиданному приглашению. Во всяком случае она поблагодарила их за желание сопровождать нас, но в данное время она должна спросить согласие нашей спутницы, оставшейся в гостинице. Вернувшись в наш номер, тетя позвала заведующего и спросила его относительно приезжих. Хозяин подтвердил слова знакомых ему грузинских князей, ежегодно доставляющих в гостиницы вино из своих отдаленных владений.

Он прислал нам старого проводника с тремя верховыми лошадьми, и через час наша маленькая кавалькада выехала из Кисловодска. Оба князя, которых я приняла за разбойников, лихо гарцевали на прекрасных лошадях и, по-видимому, были очень довольны согласием тети сопровождать нас. Сандро Вачнадзе старался ехать около меня; он рассказывал мне подробно о жизни в Кахетии, о красотах горных хреб-

---

¹ Кахетия (Кахети) — историческая область в Восточной Грузии. Менгрельский полк — Мингрельский полк, расквартированный в Мингрелии (Мегрелии), исторической области в Западной Грузии.